

Сара Азарнова

Русские идут!

"Здесь очень хорошо быть иммигрантом. Потому что все интеллектуальное общество просто помешано на вопросах иммиграции. Потому что их предки тоже иммигрировали. Так что здесь это очень актуальная тема. Хотя некоторые американцы в так называемых "красных" штатах и не любят иммигрантов, но здесь в "синих" штатах мы пользуемся большим успехом. И самая интересная литература за последние 10, 20, 30 лет - это литература иммиграции", - утверждает Гари Штейнгарт в интервью радиостанции "Свобода". С тех пор, как в 2002 году вышла первая книга Штейнгарта "The Russian Debutante's Handbook" - "Приключения русского дебютанта", книги молодых "русских" американцев перестали быть экзотикой и стали тенденцией. И хотя некоторые из них ощущают себя членами этой новой русской плеяды, а другие утверждают, что книгоиздатели и критики объединили их в группу исключительно для удобства продвижения на американском рынке, похоже, о новых русских американцах уже можно говорить как о явлении...

Никогда не забывайте о том, что все мы - и вы, и я - произошли от эмигрантов и революционеров!

Франклин Делано Рузвельт
...Литературная деятельность - это скорее всего попытка преодолеть собственные комплексы, изжить или ослабить трагизм существования. Я, конечно, не говорю о тех, кто пишет из самых простых и здоровых побуждений - заработать деньги, прославиться или удивить своих родных. Я говорю лишь о тех писателях, которые не выбирали эту профессию - она сама их выбрала.

Сергей Довлатов
Хорошо - быть молодым,
За любовь к себе сражаться,
Перед зеркалом седым
Независимо держаться,
Жить отважно - черновом,
Обо всем мечтать свирепо,
Не бояться ничего -
Даже выглядеть нелепо!

Юнна Мориц
Все мы приехали сюда в поисках свободы, достойного будущего для детей и спокойной жизни для родителей. А также хлеба и зрелищ (пусть в меня бросит камень тот, кто считает, что я неправ). Конечно, мы спасались от антисемитизма, исходящего сверху и снизу, извне и изнутри, однако по странной иронии судьбы здесь мы все стали русскими - по крайней мере, в глазах коренного населения. Вначале было непросто, а потом привыкли, потому что поняли - конечно же, русские! Язык, коллективный опыт, эстетические симпатии и антипатии, способ изложения и восприятия, а также, чего уж там скрывать, лицо, одежда, душа и мысли - иными словами, то, что составляет неповторимую национальную маркировку народа, - безошибочно указывают на бывшую шестую часть света.

Сложнее с молодыми - теми, кто приехал сюда в малосознательном возрасте или родился на этой благословенной земле. Приходит на ум гольдониевский "слуга двух господ", но на самом деле "господ" гораздо больше: работа, семья, окружающая среда (а также четверг, пятница и особенно суббота), средства поистине массовой и совершенно неотфильтрованной информации, абсолютная

свобода передвижения - одним словом, вольница. И появилась новая общность - американцы первого поколения. Явление это не уникальное для нашего брата: я читала, слышала, видела и много раз убеждалась на личном опыте, что абсолютно то же самое происходит в каждой диаспоре - разумеется, с поправками на этнические и исторические факторы.

Группа писателей-иммигрантов, родившихся в исчезнувшей Стране Советов и ставших популярными писателями в США, включает очень и не очень молодых людей, которые пишут по-английски и тем самым пытаются вписаться в яркий и постоянно меняющийся пейзаж американской литературы. В их произведениях смешиваются драма, сатира и личный опыт. Они рассказывают о судьбах людей, которые живут новой жизнью, но не могут забыть прежнюю. Используя непередаваемые и, зачастую, совершенно чуждые для американского глаза и уха выражения из своего родного языка, они предлагают англоязычному читателю в какой-то мере приобщиться к нему за счет сочных метафор и образных описаний. Среди них - Лара Вапняр с ее пронзительной книгой "There are Jews in My House" / В моем доме - евреи (2003), Гари Штейнгарт со "The Russian Debutante's Handbook" / Приключения русского дебютанта (2002) и "Absurdistan" / Абсурдистан (2006), канадец Давид Безмозгис, опубликовавший сборник коротких рассказов "Natasha and Other Stories" / Наташа и другие истории (2004), Ольга Грушина, написавшая "The Dream Life of Sukhanov" / Жизнь и грезы Суханова (2006), Максим Д. Шпраер с его "Waiting for America" / В ожидании Америки (2007), Елена Литман с ее "The Last Chicken in America" / Последняя курица в Америке (2007), Аня Улинич с интересным романом "Petropolis" / Петрополь (2007), Ирина Рейн с ее нашумевшей "What Happened to Anna K." / "Что случилось с Анной К." (2008) и многие, многие другие...

Америку часто называют "плавильным котлом", и иммигрантской литературы здесь хватает, поэтому главное для писателя - отличиться «лица необщим выраженьем», что совсем не

просто. Большинство из этих ребят начинали на берегах Гудзона и в его окрестностях, и это не удивительно, потому что Нью-Йорк - наша Мекка и Медина, наш Лондон и Париж, наша Москва и Одесса. Со значительной долей уверенности можно предположить, что если в Нью-Йорке чего-то нет, то этого просто не существует. Это в полной мере - а возможно, и в первую очередь - относится к литературе и ко всем видам искусства. Многие их них потом разбегались по стране: Шпраер преподает в Бостоне, Литман - в Коннектикуте, Ирина Рейн - в Питтсбурге, Ольга Грушина живет под Вашингтоном, Давид Безмозгис - в Торонто, а остальные, между прочим, обосновались в Очень Большом Нью-Йорке.

В разной степени их книги полны русских стереотипов и узнаваемых деталей быта, но, независимо от того, ощущают ли они себя частью литературной традиции или определенного литературного направления, их "русскость" помогает издателям продавать их книги, потому что их читают. Почему? Дело не только в экзотике. У американцев всегда было минимум две причины охотиться за новым и необычным в литературе: 1) пришел чужак и рассказал им что-то новое об Америке, и 2) его истории продаются. Не говоря уже о том, что этот ироничный, страдающий чужак - наследник и продолжатель достойных традиций Чехова, Толстого и Достоевского, а уж эти имена знакомы даже школьникам. Да и вообще, тот, кто пробился, заслуживает уважения!

Я задумывалась над тем, кто читает - те, кто все еще говорит по-русски дома и кого забросила в Америку та же "хромая судьба", или те, кто не знал или не понимал почти ничего о людях, пишущих и населяющих эти книги, и чье знакомство с "русскими" ограничивается спутником, автоматом Калашникова, балетом Большого, едой и горячительными напитками. Между прочим, еда приходит на ум не зря: русские (а также армянские, узбекские, грузинские, украинские и прочие ...инские рестораны Америки забыты под завязку не только в выходные, но и в будни, и не только бывшими соотечественниками, но и теми американцами, которые ли-

бо понимают толк в еде и питье, либо еще помнят бабушкины разносолы. Да и не только в еде дело - аромат чужого языка, незнакомой культуры и экзотической еды притягивает людей, как магнит.

"В иммиграции перед вами открываются новые горизонты, - говорит Лара Вапняр. - Каждому человеку дается одна жизнь, но благодаря иммиграции у вас появляется возможность прожить вторую. В то же время вы теряете связь со страной исхода, с родным языком, с людьми, рядом с которыми выросли, со своим детством и юностью. Именно поэтому пища так важна для этих людей - она напоминает им о самом счастливом времени, когда они были юными и наивными. Яркие и живые зарисовки Вапняр навеяны ее собственным печальным опытом. Она приехала в США в 90-х, поселилась со всем семейством в Бруклине и тотчас погрузилась в глубокую депрессию. Примитивный английский, который она учила по советским учебникам, почти ничем не напоминал тот язык, на котором разговаривали жители Нью-Йорка, и диплом по русской литературе оказался никому не нужным в новой жизни. Пришлось преподавать английский пожилым иммигрантам, которым он был нужен для сдачи экзамена на получение американского гражданства. "В тот первый год я чувствовала себя так ужасно, что до сих пор не могу вспомнить ни одного радостного события", - вспоминает Лара.

Жизнь ее изменилась только спустя несколько лет, когда она начала писать по-английски. Ее первая книга "В моем доме - евреи" (2004), полная воспоминаний и новых впечатлений, а также последующие рассказы, вызвали живой интерес у критиков и получили самые лестные отзывы. Иммиграция, еда и тоска по утерянному миру бывшей Страны Советов определяет тон книг Лары Вапняр. "Мы как будто приехали из Атлантиды", - говорит она. Критики утверждают, что ее проза строга и элегантна, а сама она вспоминает, как мучилась когда-то с разговорным английским. Тогда она и вообразить себе не могла, что со временем будет вести семинар для начинающих писателей... "Со шпинатом я пока справляюсь го-

раздо хуже, чем со словами, - говорит она. - Овощи у меня не получаются". Звучит забавно, потому что сборник ее рассказов называется "Брокколи и Другие истории о еде и любви". Еда в них определяет характеры героев, сюжеты, служит причиной раздоров и даже приводит к смерти.

Ирина Рейн родилась в Москве и в настоящее время живет на два дома - в Питтсбурге и в Бруклине. Будучи совсем молодым автором, она выпустила литературный сборник "Жизнь на краю света: Писатели Нью-Джерси о своем Садовом штате". Ее первый роман "Что случилось с Анной К." был опубликован в 2008 году. В эссе "Ешь, память" она тонкими, деликатными штрихами рисует картину окружающего мира и описывает свое внутреннее состояние: "Моя страсть к еде неразрывно связана с иммиграцией из бывшего Советского Союза. Иммигранты, прибывающие в эту страну без гроша в кармане, обречены испытывать постоянное вожделение, и первые их желания - самые примитивные, потому что еды всюду - навало. Как и многие недавние иммигранты, я стояла, ошалело озираясь, в американском супермаркете с его головокружительным количеством разных сортов маргарина, туалетной бумаги, молока. Я была ошеломлена, потому что приехали из страны, где в конце бесконечной очереди тебя ждал нехитрый выбор между ванильным и шоколадным молоком, последняя банка соленых огурцов и пара туфель на два размера больше твоего. Американские телешоу меня интересовало мало - я все время ждала рекламы с ее соблазнительными видениями еды... Живя в Квинсе (один из районов Большого Нью-Йорка), я воображала себя в прелестной деревенской местности, в уютном доме с роскошной кухней; я забегала домой к подруге и рылась в кухонных ящиках в поисках сладких соблазнов, кексов и пирожных, а вовсе не копченого лосося. Много позже я поняла, что этот иммиграционный голод никогда не будет утолен картофелем во фритюре или мексиканскими лепешками; в животе всегда будет урчать, и насытить его можно только временно".

36-летний Гари Штейнхарт, родился в Ленинграде, первые семь лет своей жизни был обычным советским ребенком и играл в прятки с папой у гигантской статуи Ленина. "Я был в нее влюблен", - вспоминает писатель. В 1979-м семья Штейнхарта переехала в Нью-Йорк. Холодная война была в разгаре, и "русские" не пользовались в Америке популярностью. Да и в еврейской школе, куда пошел мальчик, он постоянно чувствовал себя униженным и одиноким. Однокурсники смеялись над его акцентом и гардеробом - у него были всего три футболки и одни джинсы. Администрация школы организовала благотворительную кампанию в помощь новичку, после чего Гари пригласили в учительскую и торжественно вручили ему сумку с ношеной одеждой, в то время как другие ученики с интересом наблюдали за этой сценой...

Вскоре он начал писать по-английски и добился серьезного успеха. В "Пособии для российского дебютан-

та" он рассказывает о похождениях некоего Владимира Гиршкина, застенчивого 25-летнего иммигранта, жаждущего любви и пытающегося найти себя в новой стране. Штейнхарт использует инструмент острой сатиры, чтобы передать все муки своего героя, пытающегося найти место в жизни на фоне отношений с требовательной еврейской мамой и подругой, коренной жительницей Нью-Йорка. По ходу действия ему приходится также общаться с членами гомосексуальной банды во Флориде и даже с русской мафией в вымышленном восточноевропейском городе. Гари давно живет в Нью-Йорке и считает себя местным, но когда у него спрашивают, когда же он почувствовал себя настоящим американцем, он коротко отвечает: "Да никогда".

Канадец Давид Безмозгис опубликовал сборник пронзительных коротких рассказов "Наташа и другие истории". В них он рассказывает о детских и юношеских годах Марка Бермана, сына еврейских иммигрантов из постсоветской Латвии, живущих, как и сам автор, в Торонто. Первые годы папа главного героя почти не появлялся дома, работая день и ночь, чтобы свести концы с концами, а мама страдала нервными припадками. Сам Марк мучительно искал свое еврейское "я" в школе. "Наверное, этой семье было нелегко, - комментирует Давид. - Для меня тяжелее всего было присутствовать при бесконечных ссорах родителей. Думаю, ребенок не должен этого видеть...". В рассказах Безмозгиса меньше сантиментов и ностальгии, чем у его собратьев, но чувства в них подлинные и сильные. Вот что он пишет в своем эссе "О любви в литературе": "Я думаю, все хорошие книги написаны кровью из разбитого сердца. Когда пишешь, думаешь о самом плохом, что с тобой случилось. Обычно это связано с другими людьми: может, родители спились до смерти; страус затоптал младшего братишку, или любовная драма оказалась непереносимой... Начните с этого. Почувствуйте это. В наше время совсем непросто что-то чувствовать, потому что нашей жизнью управляет электроника, и все в ней - всего лишь электронной эхо. Попробуйте докопаться до того, что управляло людьми прежде - до эмоций. Начните с этого".

Читатели пока не дождались выхода новой книги Безмозгиса, но в этом году на 29-м Еврейском кинофестивале в Сан-Франциско будет показан фильм "Victoria Day", в котором Дэвид Безмозгис выступает и как режиссер, и как сценарист. Главный герой фильма - подросток из семьи русскоязычных иммигрантов.

Аня Улинич пишет, как рисует, детально изображая быт и бытие своих героев. Получив художественное образование в Москве, в 17 лет она приехала в Америку. Училась в Чикагском художественном институте и в штатном калифорнийском университете в Дэвисе. В ее книгах сталкиваются визуальные и литературные образы и поверженные идола прошлого (Маркс) и настоящего (диснеевские мультики), перелопачиваются старые советские стереотипы, смешивается политика и личная жизнь...

Окончание на странице 10

Русские едят!

Недоброжелатели называют нас "колбасной эмиграцией". Мы, и правда, любим поесть, но герои "новых русских писателей" колбасу не едят! Зачем же они ехали в Америку - неужели за гамбургерами?!

Когда уже исчезли из виду пальмы, где-то на юге Джорджии, мы остановились у Макдональдса. Я уже предвкушал, как это будет. Шестидесятидевятицентовый гамбургер. Кетчуп, красный, густой, наштапованный кусочками лука. Наверху ломтики соленого огурца, обжигающий и обволакивающий глоток свежей кока-колы - сода покалывает горло, и становится понятно, что действие завершено. Я вбежал в прохладу этого волшебного места, в храм стерильного мяса, остальные следовали за мной, волоча что-то большое и красное. Это был переносной холодильник, который перед отъездом из мотеля упаковала вторая мамаша, добродушный круглолицый аналог моей матери. Она приготовила настоящие русские закуски: яйца в мешочек, завернутые в фольгу, винегрет в пластмассовой банке из-под сметаны, холодная курица, зажатая между двумя ломтами булки. "Но это же запрещено, - взмолился я. - Мы должны купить еду здесь".

Гари Штейнхарт. Шестьдесят девять центов

Для иммигрантов еда - это еще один способ воссоздать покинутую ими страну. Сколько мы видели проникновенных, трогательных фильмов об иммигрантах, где члены семьи собираются за столом и рьяно налегают на экзотическую (для зрителя) еду, передавая друг другу полные тарелки и шумно переговариваясь? Но еда может также стать способом полного отказа от прошлого. Я, например, организовала в школе мелкий бизнес по обмену бутербродов с селедкой и луком, которые мама давала мне с собой каждый день, на невероятно соблазнительные и совершенно недостижимые для меня бутерброды с ореховым маслом и желе и совсем уж нереальные слоеные бутерброды с копченой индейкой. Американские ребяташки наслаждались экзотической селедкой, а мне всего-навсего хотелось не выделяться, быть такой, как все, вновь обрести утерянное чувство "принадлежности" к группе, утерянное в детстве.

Ирина Рейн. Ешь, память

"Поглядите-ка, сегодня у нас что-то новенькое! Спасибо одной из наших русских студенток!". Учительница сняла голубую салфетку с Милениной тарелки, где лежало около дюжины аккуратных золотистых квадратных блинчиков с творогом, которые пахли так, будто их только что сняли со сковороды... Блинчики были такие красивые, что студенты не сразу решились похватать их с тарелки, как еду, принесенную другими. Деликатно, двумя пальцами, они брали их за уголок и молча, медленно жевали; было так тихо, что слышен был хруст при каждом укусе...

Лара Вапняр. Люда и Милена

"Утром на Хануку я просыпался от всепроникающего запаха картофельных оладий. Я спускался вниз и заставлял маму у плиты - она следовала традиции, которую не смог разрушить никакой комиссар. У бабушки дома было то же самое: она чистила и вручную натирала картошку, а потом вставала на вахту у раскаленной, шипящей сковороды. "Яша, ком эссен!" - звала она, и мы с бабушкой сидели за шаткий кухонный стол, где уже стояли щербатые тарелки и плошка со сметаной... Если бы меня спросили, что я больше всего запомнил из этого времени о Хануке и вообще обо всем еврейском, я бы ответил: чисто вымытый хромой стол в крошечной кухне, хрустящие, промасленные оладьи и разговор на идиш - конечно, руками - между бабушкой и бабушкой".

Давид Безмозгис. Праздники

Убедившись, что в кухне никого нет, Саша Гольдберг открыла один из холодильников и обнаружила там брикет масла. Она... намазала маслом булку и подошла к другому холодильнику. В узком отделении в дверце она нашла пакеты с тонко нарезанным мясом, положила его на булку и, спрятавшись за холодильником, мгновенно сжевала бутерброд. Оглядываясь, она помыла нож и положила его обратно в ящик.

Аня Улинич. Петрополь

Изучив товар и цены - они были ощутимо выше в расчете на туристов - я купил кулечек огромных бледно-зеленых оливок, штук шесть-семь. Никогда прежде я не пробовал оливок с таким божественным вкусом. Они были живыми и сочными, их наполняла та жизненная сила и чувственность, которые ассоциировались для меня с Италией и итальянцами. Я медленно ел оливки, смакуя их во рту, обсасывая косточки, не в состоянии насытиться. Вместо банки соды я в конце концов купил еще один кулек тех мясистых и сочных оливок.

Максим Д. Шраер. В ожидании Америки

Мы приехали в Америку в июле, и в августе супермаркет все еще кажется нам чудом, хотя глаз уже постепенно привыкает к ярко-розовому, желтому и синему на картонных коробках, где что-то написано на незнакомом языке. Машины у нас пока нет, и каждый поход в магазин превращается в длинную процессию вдоль Мюррей Авеню, мимо заправки, студии карате и похоронного дома... Из всех нас мама оказалась самой впечатлительной - мы с папой еле поспеваем за ней, когда она, толкая перед собой тележку с продуктами, вдруг застывает перед запотевшей стеклянной витриной с пиццей или пытается посчитать, какие яблоки дешевле. По магазину она передвигается кругами, будто ищет по карте сокровище, и очень скоро мы теряем ее из виду...

Елена Литман. Последняя курица в Америке

Сара Азарнова

Русские идут!

Окончание. Начало на странице 8

Она объясняет это так: "Книги я люблю больше, чем картины, потому что книжный рынок - реален, а артистический - эфемерен. Это искусственно созданная атмосфера частных галерей и парочки магазинов, и то время, когда хозяева хотели иметь дома написанный художником портрет, ушло. Обычно художник не может заработать на жизнь, а с книгами дело обстоит совсем по-другому. Люди все еще покупают книжки, и стоят они совсем недорого".

Максим Д. Шраер родился в Москве, в семье писателя Давида Шраера-Петрова. Они просидели в отказе почти 10 лет. Попад, наконец, в Америку, Максим закончил Браун, защитил диссертацию в Йеле и в настоящее время преподаёт русский и английский в Бостоне. Кроме литературной критики, он выпустил три книги стихов и составил антологию русской еврейской литературы. В замечательной книге "В ожидании Америки: История иммиграции" он вспоминает начало иммиграции в Италию: "... Я был двадцатилетним поэтом, чем-то средним между рыцарем, который возносит свою прекрасную даму на неземной пьедестал, и мартовским котом, который раздевает женщину взглядом. Очки я тогда не носил, и весь мой пляжный гардероб состоял из трех маек и пары линялых джинсовых шортов... Был я тогда невероятно тощим - частично благодаря язве, частично благодаря всепожирающему обмену веществ... Лето, проведенное в Ладисполи, было единственным временем в моей жизни, когда я целиком и полностью покорился судьбе, так как ответ из американского консульства нельзя было ускорить. Я понятия не имел, куда мы едем в Америке. Я только знал, что сразу же попытаюсь поступить в университет... Готовые ко всему, мои родители погрузились с головой в принудительный, тревожный двухмесячный отдых"... Сейчас Максим Шраер возглавляет

факультет славянских и восточно-европейских языков в Бостонском колледже. Там же он основал программу по изучению иудаизма.

В своем первом романе "Жизнь Суханова в сновидениях" (2007) Ольга Грушина, которая родилась в Москве в 1971 году и приехала в Америку в 1989-м, рассказывает о трагедии творческого человека в стране Советов. Ее герой, художник-сюрреалист Анатолий Павлович Суханов, становится прокоммунистическим писателем, поливающим грязью братьев-художников, чтобы сохранить семью и заработать на жизнь. В 34 года он становится частью "номенклатуры", заслужив признание своим эссе, клейма позором сюрреалистов как "предателей народа", которые "воспевали безумие и пропагандировали декадентское безразличие к народу и его нуждам". Фантасмагорический роман Грушиной, написанный, как уверяют рецензенты, в лучших традициях Гоголя, Булгакова и Набокова, имел очевидный успех у критиков и читателей.

Елена Литман выросла в Москве (это становится хорошей традицией!). В Америке закончила университет, 6 лет работала программистом. В 1998 году стала посещать классы начинающих авторов, через три года ушла из информационной технологии и начала писать и преподавать. Ее книга "Последняя курица в Америке", которую она называет "романом в рассказах", - это милое собрание переплетающихся между собой сюжетов, в центре которых - русские еврей-иммигранты, живущие в Питтсбурге. Она пишет о подростках, молодых и пожилых мужчинах и женщинах с самыми разными профессиями и биографиями. Американцы и русские, евреи и неевреи живут и тесно общаются между собой и порой действуют друг другу на нервы. Некоторые стремятся вырваться из этого тесного круга, некоторые не мыслят себя вне его, но все работают, не

покладая рук, чтобы выжить, найти свое счастье и победить вышеупомянутую "хромую судьбу".

Вообще, у новой поросли писателей-иммигрантов больше общего, чем различий, и им надо будет приложить немало усилий, чтобы быть писателями, а не просто иммигрантскими писателями. Читатели проголосовали "за", но многие местные литературные критики встретили "русификацию" американской еврейской литературы достаточно настороженно - прежде всего из опасения, что успех молодых писателей-иммигрантов предопределен в первую очередь их иммигрантским опытом, их этнической, культурной и национальной принадлежностью. Кроме того, их постоянно сравнивают - и всегда будут сравнивать со столпами американской литературы Исааком Башевисом-Зингером, Айн Рэнд, Бернардом Маламудом и другими замечательными представителями "первого поколения" и провозвестниками новой эры в американской культуре, не говоря уже о Набокове и Бродском... Есть еще местные молодые ребята - Майкл Шейбон (не пропустите поразительные "Wander Boys" и "The Amazing Adventures of Cavalier and Clay") и Джонатан Сафран Фоер (попытайтесь прорваться через невероятно длинный и трогательный роман "Everything Is Illuminated", по которому снят невероятно длинный и трогательный фильм того же названия), которые прочно обосновались на американской литературной сцене и продолжают удивлять читателя своими феерическими историями.

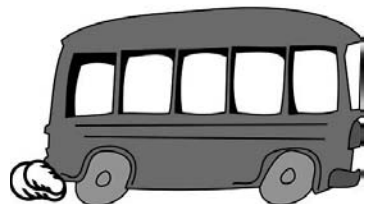
Независимо от того, как мы относимся к творчеству каждого из наших бывших соотечественников в отдельности, как явление они безусловно заслуживают внимания и всяческого уважения. Глубина чувств, нетерпение, страсть - в наш век ассимиляции, нивелировки и материализма, который пытается укротить все сильные чувства и вынести их за скобки нашего быта и нашей ли-

тературы - "русские" возрождают эти непреходящие ценности. И в ответ на извечный вопрос "хорошо ли это для нашего брата - русского иммигранта?", мы отвечаем - очень даже хорошо.

Мы - молодая страна, которая всегда (точнее, почти всегда) была "землей обетованной" для иммигрантов, и наша многоголосая, многоязыкая литература полна великолепных, незабываемых историй о том, как люди становятся и остаются американцами. И совершенно замечательно, что новая волна русских иммигрантских писателей с их неповторимыми рассказами о своем и нашем пути отлично "укладывается в строку". А потому - дайте нам наших штейнгартов, наших уличничей, наших вапняров! Вырвавшись на свободу, вдохнув чистого воздуха, наевшись фруктов, выучившись в лучших школах и университетах страны, они взяли за перо (простите, сели за компьютер) и свежими, молодыми голосами пытаются рассказать об этом людям. Русские идут!

The Russians Are Coming! The Russians Are Eating! By Sarah Azarnova. The emigration from the FSU has produced a number of talented young Russian-American-Jewish writers, the "new Russian writers", who are writing fiction in English. They examine their history, their new world and their emigration experience through a bicultural lens. Sara Azarnova looks at the work of David Bezmogis, Lara Vapnyar, Gary Shteyngart, Anya Ulinich, Maxim D. Shrayar, Olga Grushina, Irina Reyn, and Elena Litman. In "The Russians Are Eating" the author includes some excerpts from their work connected to food, meals and memories. Sara Azarnova introduces these seven excerpts: "Ill-wishers call us the 'sausage emigration.' We indeed do like to eat, but the protagonists of the 'new Russian writers' don't eat sausage! Why do you think they came to America - could it really be for hamburgers?"

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Особенно здесь, в Сан-Франциско, где люди совсем не стесняются заговаривать с незнакомцами.

Еврейское имя

Более полувек назад мой папа сказал: "Я дам ему еврейское имя, может быть, лет через двадцать пять он будет гордиться тем, что он еврей". Так что в метрике моего брата было записано "Соломон". Сделали обрезание, было много гостей - и все повторяли имя ребенка, еврейское имя Соломон.

В полупустом автобусе

Сегодня утром я ехала в автобусе. Пассажиров было совсем мало. И молодой человек, сидевший сзади, спросил меня, не пропустил ли он свою остановку. Он услышал акцент, тут же понял, что я не американка, и спросил, откуда я приехала. Здесь часто задают этот вопрос. Я ответила, а он сказал, что его мама из Испании, а сам он родился в Сиэтле. И представился: "Арон".

- У вас еврейское имя, - не удержалась я. - Да, я еврей, - сказал Арон. - Моя мама - испанская еврейка.

Автобус притормозил. Это была его остановка.

- Вам выходить, - сказала я. Он встал и пошел к выходу. Оттуда, уже у самых дверей Арон помахал мне на прощание, улыбнулся и сказал:

- Шалом!

Сима Грабовская

Энджел

Был понедельник - день недели, которого я жду с нетерпением в течение 19 лет, потому что в этот день я хожу на занятия творческой мастерской, где я изучаю науку "поэзия". И ситуации, которые я наблюдаю во время моих поездок, часто становятся сюжетами моих стихов.

В этот понедельник погода была теплая и солнечная.

Я ехала в полупустом автобусе. На остановке в автобус вошла девочка лет четырех-пяти, а за ней мама. Девочка быстро села на свободное место, а мама - напротив. На девочке была розовая курточка и белые колготки. Два розовых бантика украшали ее веселые кудряшки. Почувствовав мой любопытный взгляд, девочка опустила глазки, и тут ее пальчики нащупали крохотную дырочку на

колготках в области колена. Малышка укоризненно посмотрела на маму, которая сидела напротив. Мама улыбнулась ей в ответ. Девочка стала рассматривать дырочку внимательно и растянула ее еще больше. Потом она натянула подол платья, прикрывая дырочку. Мама весело засияла в ответ. Девочка быстро пересела на свободное место рядом с мамой и прижалась к ней.

Я спросила маму, как зовут девочку, и та ответила: "Энджел".

Я тут же мысленно пририсовала крылышки ангела к плечам девочки. Я представляла ее именно так.

Геня Эрлих
From the Editor's Mailbox: In a Half-Empty Bus Two anecdotes, "A Jewish Name," by Sima Grabovskaya and "Angel" by Genya Ehrlich. In order to understand a city and its inhabitants, you need to ride its public transport system. Meetings on a bus will tell you much more about the city's residents than fat books. Especially here in San Francisco where people are not shy about talking to strangers.

БЛАГОДАРИМ ЧИТАТЕЛЕЙ ЗА ПОМОЩЬ ГАЗЕТЕ И ИММИГРАЦИОННОМУ ОТДЕЛУ

ЕВРЕЙСКИЙ КЛУБ

САППА ЗИНГЕР

ЗИНАИДА РАБЗИНОВИЧ

АРКАДИЙ и ИННА БЕЛОВЫ - в поддержку газеты

СИМА ГРАБОВСКАЯ - в честь юбилея любимого брата Соломона

БОРИС ДЕНИНЗОН - в память о погибших в ВОВ

ДАВИД И ЛИЛЯ ЛУШЕР - в память о родителях Иде и Ароне Азрилян и Фане и Семене Лушер

СЕМЬИ МЕЛАМУД и НЕМИРОВСКИХ - в память о маме, бабушке и прабабушке Тамаре Гулер

ИРИНА и ВЛАДИМИР ПРИКУПЕЦ - в память о родителях Циле и Михаиле Шлаин, Тане и Шае Прикупец

СЕМЬИ НЕМИРОВСКИХ и ЦУБИС - в память о маме и бабушке Нюсе Немировской

ЛИЯ ШАПИРО и дочь с семьей - в память о муже, отце и бабушке Григории Шапиро

ШУЛАМИС КОЙФМАН

ВЕРА РОВЕНСКАЯ - в память о муже Абраме Волк, сестре Полине и брате Михаиле

ШИКА ЗАК и МАРИАМ ФРЕЙДИНА - в память о погибших в гетто местечка Меджибож

НЕЛЛА и АЛЬБЕРТ МЕЕРЗОН - в память о родителях Хаиме и Двойре Курцман, Аврааме и Иде Меерзон, о брате Владимире Меерзон и его жене Лене, о сестре Рахили Курцман и ее муже Михаиле Лизенбойм

БАРБАРА ЛИТТ - в память о любимой тете Тилли Джослоу

МИХАИЛ и СОФИЯ ФИГЛИН - в память о родителях Лазаре и Эмилии Комских

Вместо цветов на могилу...

В память о муже и отце Александре Орёл - от жены Блюмы Орёл и всей семьи.

This month's donations to New Life and Kritzer/Ross Émigré program

23 августа
(воскресенье)
в 5:00

в Fisher Hall JCCSF
(3200 California St.)
состоится концерт

**"Бал поэзии,
музыки и
любви" -**

песни на стихи Марка Мордуховича

Песни исполняют:

заслуж. артист Белоруссии **Григорий Харик** (баритон)

Сюзанна Чубарян (сопрано)

У рояля - **Элла Белиловская**

**В концерте впервые прозвучат песни, написанные
композитором Кларой Колкер.**

Будет предложено легкое угощение.

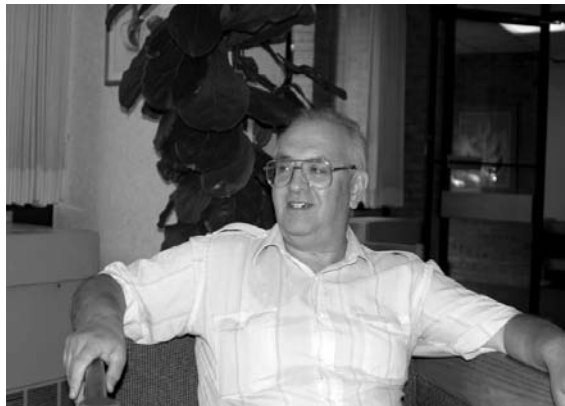
Марк - ленинградец. Многие его стихи стали песнями и романсами, которые исполняют известные певцы и музыкальные ансамбли.

"Его стихи удивительно прозрачны и чисты, очень искренни, и так и просятся на музыку," - сказал Александр Журбин о его стихах.

В 1992 году поэт уехал в Америку, жил в Детройте, с 2003 года живёт в Нью-Йорке. Он член Союза писателей Москвы.

Билеты - 10 долл., для студентов и пенсионеров - 7 долл.

☎ Справки и заказ билетов по тел. (415) 292-1271, 292-1273

Поэзия, музыка, любовь

В конце августа у вас будет возможность побывать на вечере, посвященном творчеству замечательного поэта-песенника Марка Мордуховича, который сейчас живет и работает в Нью-Йорке. Марк Мордухович - член многих международных обществ, лауреат и победитель фестивалей и конкурсов. Каждый его творческий вечер - это бал поэзии и музыки. Песни на его стихи пели Валерий Леонтьев ("Все на свете впервые"), Михаил Боярский ("Старый аэроплан"), Игорь Скляр ("В Ленинграде дождик"), ансамбль "Верасы" ("Разрешите вас проводить"), "Синяя птица" ("Не оставляй любовь одну"), Нуца ("В парижском кафе"), Евгений Валевич ("Трубит шофар").

Здесь, в Сан-Франциско, песни на его стихи будут исполнять известные и любимые в городе исполнители: заслуженный артист Белоруссии Григорий Харик и Сюзанна Чубарян. В концерте впервые прозвучат песни, написанные на стихи Марка Мордуховича композитором Кларой Колкер. У рояля - Элла Белиловская, которая обработала и подготовила с певцами эти песни.

*Не смея верить, что тобой любим,
Я каждый день тревожусь и печалюсь.*

*Я засыпаю с именем твоим,
И с именем твоим я просыпаюсь...*

Песни Марка Мордуховича - счастливое сочетание стихов с созвучной им музыкой. Его песни по-настоящему вдохновляют, заставляют задуматься о смысле жизни, по-новому взглянуть на тех, кто рядом. Так было и в прежней, ленинградской-петербургской жизни, когда песни на стихи Марка сочиняли известные композиторы и исполняли популярные певцы, так происходит и сейчас, в эмиграции, которая для него, как и для всех нас, оказалась совсем не простым испытанием.

*Мне от песен никуда не деться,
Наплывает музыка волной,
Может быть, не сразу стало петься -
Спой теперь, Америка, со мной!*

И Америка поет! Потому что стихи Марка Мордуховича - яркие, искренние - не только легко запоминаются, но и сразу западают в душу.

Лара Перель

Poetry, Music, Love By Lara Perel. Some information about the poetry of Mark Mordukhovich. On August 23rd at the JCCSF there will be a concert in which the singers will sing some of his poems, which have been set to music by Klara Kolker.

ВЫ НЕ ПОЛУЧАЕТЕ "НОВУЮ ЖИЗНЬ"? ХОТИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ? ЭТО БЕСПЛАТНО!

получаете
"Новую жизнь"?

"Новая жизнь" -
единственное
русскоязычное издание,
которое высылается
подписчикам
БЕСПЛАТНО.

Регистрационную карточку
для подписки на
"Новую жизнь"
можно получить в офисе
Иммиграционного отдела
JCCSF, заказать
по тел. (415)292-1271, 292-1275
или
по e-mail: newlife@jccsf.org

ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ ДОСТУП К ИНТЕРНЕТУ,
вы можете выписать "Новую жизнь"
на веб-странице www.jccsf.org/newlife

"Новая жизнь" высылается бесплатно по почте каждому, кто хочет ее получать. Чтобы выписать газету, позвоните в редакцию по телефону (415)292-1275 и продиктуйте свое имя, адрес и телефон - мы вышлем вам регистрационную карту. Вы также можете отправить свой адрес, имя и номер телефона по электронной почте: newlife@jccsf.org или заполнить подписной купон на веб-странице www.jccsf.org/newlife

Редакция обращается ко всем читателям с просьбой посылать пожертвования для покрытия расходов, связанных с выпуском газеты. Чеки и "Money orders" можно посылать по адресу: New Life, JCCSF

3200 California Street
San Francisco, CA 94118

с пометкой на конверте "Donation". Редакция газеты благодарит всех откликнувшихся на просьбу посылать пожертвования в пользу газеты. Имена приславших пожертвования, публикуются в очередном номере газеты.

"Новая жизнь" принимает рукописи статей, очерков и рассказов, а также письма в рубрику "Из редакционной почты". По возможности просим присылать материалы по e-mail: newlife@jccsf.org К сведению авторов: газета оставляет за собой право отклонять рукописи, не утвержденные редколлекцией к печати; рукописи авторам не возвращаются, и редакция не вступает по этому поводу в переписку с авторами. При публикации редакция оставляет за собой право сокращать письма в рубрику "Из редакционной почты", публиковать отрывки из писем, подвергать их редакционной правке. Редакция не несет ответственности за содержание писем и рекламных объявлений.